

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-09

18+

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-09

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65250301

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга о Ленине. События происходят в 1917-м году в тогдашней столице России Петрограде. Ленин ведёт активную борьбу за захват власти большевиками. Политическая борьба, интриги, митинги.

Содержание

13-14 июля 1917 года.	4
17 июля 1917 года.	8
19 июля 1917 года.	14
23 июля 1917 года.	28
24 июля 1917 года.	30
26 июля – 3 августа 1917 года	35
Начало августа 1917 года.	45

Jacob Davidovsky

Ленин. 1917-09

13-14 июля 1917 года.

В эти дни в Петрограде произошло расширенное совещание ЦК партии большевиков. Кроме членов ЦК, участвовали представители Петроградского комитета, Военной организации, Московского областного бюро, Московского городского комитета, Московского окружного комитета.

На этом совещании Сталин снова попытался стать главным лидером партии. Момент был удачный. Ленин объявлен вне закона и вынужден скрываться, Зиновьев с ним, в Питере его тоже нет. Каменев арестован. Троцкий, хоть уже и в Питере, но в партию официально пока не вступил.

Среди оставшихся на воле членов ЦК у Сталина конкурентов не было. Поэтому вся работа происходила под его непосредственным руководством.

И соблазн власти оказался сильнее осторожности. В отсутствие Ленина Сталину оказалось совсем не трудно навязать свою волю оставшимся членам ЦК.

К тому же он всю свою партийную карьеру страдал от того, что как теоретик всегда оставался на задворках, уступая таким титанам, как Ленин, Каменев, Зиновьев ... даже моло-

дого Бухарина уважали как знатока марксизма больше. Поэтому желание показать всем, что кое в чём он соображает лучше, было очень велико.

Да и не разделял он нового резкого перехода в мировоззрении Ленина – убрать лозунг "Вся власть Советам", оставив лишь "Курс на вооружённое восстание".

Это какими же силами осуществлять это самое вооружённое восстание? Июльские события показали, что в военном отношении воинские части, идущие за большевиками, ни черта не стоят. Верные правительству войска разгонят их без труда. Даже при десятикратном превосходстве сторонников большевиков. Размежеваться с Советами, конечно, легко. Только с кем мы потом останемся? Нет, надо по-прежнему работать над увеличением своего влияния здесь, в Петроградском Совете. А уж когда добьёмся контроля над ним – тут и настанет наш час.

Надо заметить, в рассуждениях Сталина имелось рациональное зерно. В данный момент вооружённое восстание и вправду не имело бы шансов на успех.

Вот только Ленин, как обычно, смотрел дальше. Лозунгом было не восстание сейчас, немедленно, но "Курс – на вооружённое восстание". Что означало вначале кропотливую трудоёмкую работу по его подготовке, а уж когда появятся высокие шансы на успех – тогда и осуществлять.

Кроме того, Ленин совсем не призывал к размежеванию с Советами. Он всего лишь был против перехода к ним власти

на данном этапе, ибо Советы сейчас контролировались эсеровско-меньшевистским большинством.

Но работу над увеличением влияния большевиков в Советах вождь большевиков считал по-прежнему необходимой. Здесь их точки зрения со Сталиным совпадали.

Но не совпадали ещё в одном. Ленин характеризовал происшедшее в июльские дни как "установление военной диктатуры контрреволюции". Сталин же полагал, что в данный момент установилась всего лишь военная диктатура конкретных личностей – Керенского, Церетели и так далее.

Впрочем, я не берусь судить – кто здесь прав, ибо понятие "контрреволюция" весьма расплывчато и включает в себя уйму разного. В том числе и конкретных Керенского и Церетели.

– Эта диктатура представляет собой представительство мелкой крестьянской буржуазии, за которой идет часть рабочих. Между этой диктатурой мелкой буржуазии и правым крылом идет в настоящее время торг. Контрреволюция от нападения на большевиков переходит уже к нападению на Советы и партии советского большинства. Роль Советов падает, – медленно и спокойно говорил с трибуны Сталин, внутренне получая удовольствие от осознания того, насколько хорошо и научно звучат его слова. Грузинский акцент в речи почти не ощущался, отчего хорошее настроение улучшалось ещё больше.

– Нам нужно создать такую власть, которая даст мир, зем-

лю, рабочий контроль. Такую власть по-прежнему можно получить только через Советы, а именно данные Советы. Добиваясь сосредоточения всей власти в руках революционных пролетарских и крестьянских Советов, мы полагаем, что только при выполнении вышеуказанной программы эта власть может осуществить задачи революции.

Многим членам ЦК доводы Сталина казались резонными. Кроме того, его вес в партии в любом случае заставлял отнестись к ним серьёзно. Ну и обычное дело – если Ленин никогда не боялся радикально менять свою точку зрения под воздействием новых фактов и осмысления таковых, то подавляющее большинство ЦК, включая Сталина, этого попросту не умело.

В итоге резолюция расширенного совещания была принята именно в духе сталинских тезисов. Далекое не полностью совпадавших с ленинскими.

Через четыре дня её прочитал в Разливе Ленин.

17 июля 1917 года.

Владимир Ильич аккуратно сложил машинописные листки на грубом деревянном подобии стола и придавил их, чтобы не разлетелись от ветра, небольшим чурбачком, давно приспособленным под пресс-папье.

Не всякий сейчас узнал бы вождя. Перейдя на нелегальное положение ещё в Петрограде он был вынужден сбрить известные всем бородку и усы, нацепить парик и переодеться в одежду рабочего. Ощущения были несколько непривычными, но беспокоили уже не очень. Ничего, привыкну. Что поделаешь – конспирация.

Так. Вернёмся к делам. Резолюция расширенного заседания ЦК. Идущая вразрез с его последней статьёй. Снова ЦК против него. Хоть и исправно пересылает свежие материалы. Что там сейчас происходит? Почему снова несогласие с ним, с Лениным?

Там, в ЦК, сейчас самая авторитетная фигура – Сталин. В отсутствие Ленина, Зиновьева, Каменева. И Троцкого только должны официально принять на Съезде, который состоится через неделю. Если всё будет нормально.

Почему уже во второй раз после его возвращения в Питер, когда во главе ЦК в его, Ленина, отсутствие, оказывается Сталин, он начинает играть в собственную игру, игнорируя ленинские указания? А порой и напрямую выступая против.

Боязнь резких поворотов? Но ведь именно Сталин совсем недавно, в июльские дни, выступал с решениями более радикальными, чем мои. Если я призывал всего лишь к мирной демонстрации ... разумеется, не отказываясь от захвата власти в случае, если бы массы оказались достаточно накалены, то Коба напрямую выступал за вооружённый переворот.

Кстати, возможно, был прав именно он. Если бы вся эта толпа направилась не к Таврическому Дворцу, к Петроградскому Совету, а сразу к резиденции Временного Правительства – Мариинскому Дворцу, то, вполне возможно, на волне настроений этой толпы удалось бы арестовать правительство и провозгласить новое. Выдав это за волю масс. Правительство могло не успеть дождаться, пока подойдут верные войска.

Но мы, большевистский ЦК, тогда держались за идею заставить Совет принять власть. Даже я не мог поверить, что все эти Церетели и Чхеидзе откажутся от верховной власти, которую им преподносили на блюдечке. М-да, надо судить о людях более объективно ... а я, похоже, судил по себе. Уж я-то от власти никогда бы не отказался.

Постой, а Коба? Он столько лет следовал за мной, преданно исполняя все поручения и ничего не требуя взамен. Кроме власти, которую получал как мой последователь автоматически по мере того, как соответственно поднимался по лестнице партийной иерархии.

И в первый раз пошёл против меня в марте, вернувшись

после революции из ссылки. Почему? Потому что в ЦК без меня у него конкурентов кроме Каменева не было. А соответственно принимая позицию Каменева, он становился одним из двух безоговорочных лидеров ЦК. И ему нравилось это лидерство, он даже боролся со мной за его сохранение. Когда я всё-таки добрался в Питер из Швейцарии.

И обыграл-то я его ... и весь ЦК только потому, что революционные массы пошли за мной. Безоговорочно. Почему? Да потому, что я в очередной раз оказался левее ЦК, радикальнее – и тем самым ближе к тому, чего эти массы желали.

Кто делает революцию? Не дворцовый переворот, а именно революцию. Меняющую установленный порядок во всей стране.

Массы. Народ. Но не весь народ. А только политически активная его часть. А из кого она состоит ... ну, конечно, кроме фанатиков вроде меня, Троцкого и ещё кое-каких большевиков?

Из обездоленных. Кому нечего терять. Здесь всё по Марксу "Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир".

Конечно, в России сейчас обездолены не только пролетарии. Беднейшее крестьянство. Но его представителей в Питере нет.

Но ничего нет и у солдат с матросами, а их в столице – пруд пруди. Поэтому они и составляют основной контингент тех, кто идёт за нами.

И поэтому им ближе всех тот, кто говорит то, чего они хотят. А хотят они, если выразиться просто, отобрать всё у тех, у кого что-то есть и поделить это между собой. Между теми, у кого ничего нет.

И даже анархисты иногда имеют успех в этих кругах. Впрочем, не абсолютный. Обездоленные не все идиоты, и большинство из них понимает, что полная отмена любого порядка равнозначна невозможности нормальной жизни. А они хотят, отобрав всё у имущих, зажить всё-таки спокойно. Не боясь, что придёт ещё кто-то – и отберёт всё у них самих.

Поэтому им ближе всего то, что говорю я, Ленин. Диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства. Из которого вышло подавляющее большинство солдат и матросов. И речи мои обязательно содержат призывы отнять и поделить. И звучат радикальнее речей меньшевиков и эсеров ... и зачастую радикальнее позиции нашего, большевистского ЦК.

Коба всегда у меня учился. Я замечал. Не только марксизму. В первую очередь борьбе за власть. Я погляжу, неплохо выучился. Когда Ленин рядом, и он понимает, что бороться за главенство в ЦК бесполезно, Сталин становится левее Ленина и проповедует захват власти путём вооружённого восстания здесь и сейчас. Зарабатывая авторитет в массах.

А когда меня нет, он стремится говорить то, что требуется большинству ЦК. Которое довольно текущим положением вещей и побаивается перемен. И в итоге идёт за Кобой. Даже вопреки ему, Ленину.

Что ж. Молодец, Сталин. Научился главному. Пока ты борешься за власть, говори то, что от тебя хотят услышать. Если твоя цель – авторитет в массах, говори то, что хотят слышать массы. Если завоёвываешь лидерство в ЦК – то, чего желает слышать большинство ЦК.

Это ведь только слова. Пока власть не в твоих руках – с тебя никто не спросит за невыполнение обещаний. А когда власть твоя ... ну, тут тоже масса путей.

Ладно. Ничего непоправимого не произошло. Будем работать дальше. Моё оружие сейчас, вдали от Питера – перо и бумага. Пишем письма в ЦК, разжёвывая смысл того в моей последней статье, чего эти ослы не смогли уразуметь. А что делать? Другого ЦК у меня нет, и в Разливе я его не создам.

"Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл внезапно настолько же, насколько внезапен был крутой поворот истории. Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Следует оперировать не старыми, до-июльскими категориями, а новыми: данные Советы нас предали, мелкая буржуазия в лице меньшевиков и эсеров нас предала, а поэтому надо готовить вооруженное

восстание не только против Временного правительства, но и против данных Советов в лице Чхеидзе, Церетели, Дана, Чернова.

Но никакого морализирования в политике! Если мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров осудят своих лидеров и станут на точку зрения пролетарской партии, мы должны быть готовы их поддержать. Для пользы дела пролетариат поддерживает всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию.

Один цикл партийно-политической борьбы с 27 февраля по 4 июля закончился, начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные.

Дорога к власти лежит только через дискредитацию и изоляцию партий меньшевиков и эсеров, а Советы, очищенные от них, будут новой формой государства диктатуры пролетариата", – такие слова звучали при зачитывании ленинского письма для членов ЦК партии большевиков через несколько дней.

19 июля 1917 года.

Председатель Временного Правительства Александр Керенский назначил на пост Верховного Главнокомандующего вместо Алексея Брусилова генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова.

Корнилов был фигурой весьма примечательной. Сейчас если о нём знают, то в большинстве, вероятно, лишь как о главе "Корниловского мятежа", да, возможно, о военачальнике белых в "Ледяном походе".

А ведь жизнь Лавра Георгиевича могла бы послужить сюжетом отдельной книги. Я всё-таки уделю некоторое время описанию биографии этого замечательного человека. Уверю Вас, Лавр Корнилов того стоит.

Родился в сибирской казачьей семье, в Усть-Каменогорске, в северном Казахстане. С детства отличался трудолюбием и прилежанием в учёбе, что позволило мальчику в тринадцать лет поступить в престижный Сибирский Кадетский Корпус в Омске. Причём поначалу его зачислили лишь "приходящим".

Причиной было то, что, блестяще сдав экзамены почти по всем предметам, он полностью провалился по французскому языку. Не смогла его семья найти репетитора французского в казахской степи!

Однако уже через год новый воспитанник своей настой-

чивостью и отличными аттестациями добился перевода на "казённый кошт". Его средний балл был 11 из 12 максимально возможных.

Вскоре Лавр стал одним из лучших учеников корпуса. Выпускные экзамены были сданы на "отлично", и он получил право выбора военного училища для дальнейшего обучения. Любовь к математике и особые успехи в этом предмете определили выбор Корнилова в пользу престижного (сюда традиционно стекались наиболее способные кадеты) Михайловского артиллерийского училища в Петербурге, куда он и поступил 29 августа 1889 года.

Где по-прежнему учёба шла на "отлично". Уже в марте 1890 года Корнилов стал училищным унтер-офицером.

Однако за поведение Лавр Георгиевич получал сравнительно низкие баллы. Дело в том, что как-то один из офицеров училища позволил себе обидную бестактность по поводу азиатской внешности Корнилова и неожиданно получил от гордого юнкера отпор.

Офицер был взбешён и уже сделал резкое движение, но невозмутимый юноша, сохраняя внешне ледяное спокойствие, опустил руку на эфес шпаги, давая понять, что за свою честь намерен стоять до конца. Увидевший это начальник училища немедленно отозвал офицера. Учитывая таланты и всеобщее уважение, которым пользовался Лавр, этот проступок был ему прощён.

В 1892 году Корнилов закончил дополнительный курс

училища, что дало приоритет при распределении на службу – и надел погоны подпоручика. Перед ним открылась перспектива службы в гвардии или в столице.

Однако молодой офицер выбрал Туркестанский военный округ и получил назначение в 5-ю батарею Туркестанской артиллерийской бригады. Это было не только возвращением на малую родину, но и передовое стратегическое направление при намечавшихся тогда конфликтах с Персией, Афганистаном и Великобританией.

В Туркестане помимо рутинной службы Лавр Георгиевич занимался самообразованием, просвещением солдат, изучал восточные языки. Через два года он подал рапорт на поступление в Академию Генерального штаба.

В 1895 году, как обычно блестяще сдав вступительные экзамены, был зачислен. Во время обучения в Академии в 1896 году женился. Через год родилась дочь.

В 1898 году, окончив Академию с малой серебряной медалью и с занесением фамилии на мраморную доску с именами выдающихся выпускников, досрочно получил чин капитана. Но вновь отказался от места в Петербурге в пользу службы в Туркестане.

Через некоторое время назначен штаб-офицером для поручений при штабе. Поручения были разнообразными и не скучными. Так, например, Корнилову довелось, переодевшись туркменом, провести рекогносцировку британской крепости в Афганистане. Ну а кроме того, он совершил

ряд длительных исследовательских и разведывательных экспедиций в Восточном Туркестане (Кашгарии), Афганистане и Персии, во время которых изучал край, встречаясь с китайскими чиновниками и предпринимателями – и одновременно налаживал агентурную сеть.

Что любопытно, по результатам этих путешествий Корниловым была написана книга "Кашгария, или Восточный Туркестан", которая принесла Лавру Георгиевичу успех уже в этнографических научных кругах. Труд был оценен даже британскими специалистами, внимательно следившими за передвижениями русских в этом районе.

Итог – орден Святого Станислава 3-й степени и направление с новым заданием в малоизученные районы Восточной Персии.

"Степь отчаяния", по которой проходил беспримерный поход русских разведчиков под командованием капитана Лавра Корнилова – первых европейцев, прошедших этим путём – на тогдашних картах Ирана обозначалась белым пятном с отметкой "неисследованные земли".

Сотни вёрст бесконечных песков, ветра и обжигающих солнечных лучей. Пустыня, где почти невозможно было найти воду, а единственной пищей были мучные лепёшки. Все путешественники, пытавшиеся прежде изучить этот район, погибали от нестерпимой жары, голода и жажды. Даже британские исследователи обходили "Степь отчаяния" стороной.

Результатом похода капитана Корнилова стал богатейший географический, этнографический и военный материал, который позднее Лавр Георгиевич использовал в своих очерках, публиковавшихся в Ташкенте и Санкт-Петербурге.

Такое впечатление, что перед нами биография не боевого генерала, а учёного-этнографа, не так ли? Но не следует забывать, что всё это время Корнилов считал главной своей задачей разведку, а не географию.

Кстати, за время своих путешествий, кроме обязательных для выпускника Академии Генштаба немецкого и французского языков, он прекрасно овладел английским, персидским, казахским, монгольским, калмыцким и урду.

С ноября 1903 по июнь 1904 года находился в Индии с официальной целью изучения языков и нравов народов Белуджистана, а фактически – для анализа состояния британских колониальных войск. За время этой экспедиции посетил Бомбей, Дели, Пешавар, Агру (военный центр англичан) и другие районы, наблюдал за британскими военнослужащими.

Он анализировал состояние колониальных войск, контактировал с британскими офицерами, которым уже было знакомо его имя. В 1905 году его секретный "Отчёт о поездке в Индию" был опубликован Генеральным штабом.

Забегая вперёд. 29 ноября 1906 года Лавр Георгиевич был избран действительным членом Императорского Русского географического общества.

Но это потом. А сейчас – резкая перемена рода деятельности. В 1904-м году началась русско-японская война.

В июне 1904 года подполковник Корнилов назначен столоначальником Главного штаба в Петербурге. Но столичная служба – не для него, и вскоре он добился перевода в действующую армию. С сентября 1904 по декабрь 1905 занимал должность штаб-офицера, затем начальника штаба Первой стрелковой бригады. Боевое крещение Лавра Георгиевича произошло во время сражения при Сандепу. В феврале 1905 года проявил себя, прикрывая отход армии и находясь с бригадой в арьергарде.

Окружённый японцами в деревне Вазые, Корнилов штыковой атакой прорвал окружение и вывел свою уже считавшуюся уничтоженной бригаду с приданными ей частями, ранеными и знамёнами, сохраняя полный боевой порядок, на соединение с армией.

Орден Святого Георгия 4-й степени ("За личную храбрость и правильные действия"), награждён Георгиевским оружием. И производство в чин полковника.

По завершению войны возвращается к прежнему ремеслу разведчика, на сей раз в Китае. Официально он – военный агент. Изучал китайский язык, быт, историю, традиции и обычаи китайцев. Якобы намереваясь написать большую книгу о жизни современного Китая, Лавр Георгиевич записывал все свои наблюдения. Регулярно отправлял подробные отчёты в Министерство Иностранных Дел. И – в Генераль-

ный штаб.

В Китае, кстати говоря, Корнилову довелось познакомиться с молодым офицером Чан Кайши. Кроме того, помогая по службе приезжающим в командировки русским офицерам, он встретил некоего полковника Маннергейма. Будущие президенты Китая и независимой Финляндии.

На новой должности Корнилов много внимания уделял перспективам взаимодействия России и Китая на Дальнем Востоке. Объездив почти все крупные провинции Поднебесной, он прекрасно понимал, что её военно-экономический потенциал ещё далеко не использован, а людские резервы слишком велики, чтобы с ними не считаться.

"Будучи ещё слишком молодой и находясь в периоде своего формирования, армия Китая обнаруживает много недостатков, но наличное число полевых войск представляет уже серьёзную боевую силу, с существованием которой приходится считаться как с вероятным противником", – писал Лавр Георгиевич.

В качестве наиболее показательных результатов процесса модернизации Корнилов отмечал рост железнодорожной сети и перевооружение армии, а также изменение отношения к военной службе со стороны китайского общества. Быть военным становилось престижно, для службы в армии требовали даже особые рекомендации.

В 1910-м году полковник Корнилов был отозван из Пекина, однако в Петербург возвратился лишь через пять меся-

цев, в течение которых совершил путешествие по Западной Монголии и Кашгарии с целью ознакомления с вооружёнными силами Китая на границах с Россией.

Орден Святой Анны 2-й степени.

Но теперь начинается уже чисто военная служба.

Со 2 февраля 1911 года – командир 8-го пехотного Эстляндского полка, с 3 июня – начальник отряда в Заамурском округе отдельного корпуса пограничной стражи (2 пехотных и 3 конных полка). После скандала, завершившегося отставкой начальника Заамурского округа ОКПС Мартынова, назначен командиром бригады Девятой Сибирской стрелковой дивизии, расквартированной во Владивостоке.

Буквально сразу после начала Первой Мировой Войны Корнилов получает назначение в действующую армию и начинает служить под началом своего будущего предшественника на посту Верховного Главнокомандующего генерала Алексея Алексеевича Брусилова.

Он становится командиром 48-й пехотной дивизии (будущей «Стальной»), которая под его командованием сражалась в Галиции и в Карпатах в составе Двадцать Четвёртого армейского корпуса Восьмой армии генерала Брусилова на Юго-Западном фронте. Брусилов вскоре невзлюбил Корнилова за авантюристическую жилку, но позже всё же отдал ему должное в своих воспоминаниях:

"Он всегда был впереди и этим привлекал к себе сердца солдат, которые его любили. Они не отдавали себе отчёта

в его действиях, но видели его всегда в огне и ценили его храбрость.

...

Странное дело, генерал Корнилов свою дивизию никогда не жалел: во всех боях, в которых она участвовала под его начальством, она несла ужасающие потери, а между тем офицеры и солдаты его любили и ему верили. Правда, он и себя не жалел, лично был храбр и лез вперёд очертя голову."

Солдаты Корнилова буквально боготворили. Командир относился с большим вниманием к их быту, требовал отеческого отношения к нижним чинам, однако и от самих солдат – инициативности и чёткого исполнения приказов.

В ноябре 1914 года в ночном бою при Такошанах группа добровольцев под командованием Корнилова прорвала позиции австрийцев и, несмотря на свою малочисленность, захватила 1200 пленных, включая генерала Рафта, потрясённого этой дерзкой вылазкой.

Однако затем вопреки приказанию командира корпуса Корнилов с дивизией спустился с Карпат на Венгерскую равнину, где был сразу же отрезан венгерской гонведской дивизией. Дивизии Корнилова пришлось пробиваться назад по горным тропам, потеряв тысячи людей, бросить батарею горных орудий, зарядные ящики и обоз. За это Брусиллов хотел отдать Корнилова под суд и только по ходатайству того же командира корпуса ограничился выговором в приказе.

Впрочем, вскоре Лавр Георгиевич реабилитировался.

В ходе Лимановского сражения "Стальная» дивизия", перебрасываемая на самые тяжёлые участки фронта, разбила неприятеля в боях под Гоголевым и Варжише и дошла до Карпат, где заняла Крепну. В январе 1915 года она вышла на главный карпатский гребень на линии Альзопагон – Фельзадор. В феврале Корнилов был произведён в генерал-лейтенанты и его имя получило широкую известность в армейской среде.

Взятие Зборо, расположенного на высоте и защищённого проволочными заграждениями и линиями окопов с укрепленными огневыми точками, стало одной из самых блестящих операций, проведённых Корниловым. Накануне генерал тщательно подготовил план операции, изучил схемы неприятельских укреплений и присутствовал на допросах пленных австрийцев.

В результате штурм прошёл в точности по плану Лавра Георгиевича. Внезапно обрушившийся на высоту шквальный огонь русской артиллерии и фронтальная атака пехоты позволила главным ударным силам Корнилова незамеченными обойти противника и обратить его в бегство. Взятие Зборо Корниловым открыло русским армиям дорогу на Венгрию.

Но не судьба. Вскоре положение на фронте изменилось.

В апреле 1915 года, прикрывая отступление Брусилова из-за Карпат силами одной своей "Стальной дивизии", генерал Корнилов, взявший на себя в момент гибели дивизии личное командование одним из батальонов, был дважды ранен в ру-

ку и ногу и в числе всего лишь семи уцелевших бойцов батальона, в течение четырёх суток до конца пытавшихся прорваться к своим, в итоге после упорного штыкового боя попал в австрийский плен.

Бои, данные превосходящим силам противника “Стальной дивизией”, позволили Третьей армии избежать полного разгрома.

После взятия в плен Корнилов побывал в нескольких лагерях для военнопленных. В конце концов был помещён в лагерь для высших офицеров неподалеку от Вены на территории нынешней Венгрии. Залечив раны, пытался бежать, но две первые попытки побега закончились неудачей. Удачный побег был совершён только в июле 1916 года с помощью чеха Франтишека Мрняка, служившего в лагере помощником аптекаря. На поезде беглецы добрались до румыно-венгерской границы. Мрняк был схвачен, а Корнилов перешел линию фронта по горам.

Орден Святого Георгия лично из рук императора. Газеты и журналы публикуют портреты героя, статьи о нём и интервью с ним, Омский епископ шлёт поздравительную телеграмму. В Петрограде чествуют юнкера родного Михайловского училища. Земляки из станицы Каркаралинской присылают нательные крест и образок.

В сентябре 1916 года Корнилов, восстановив силы после пережитых событий, снова отбыл на фронт и был назначен командиром Двадцать Пятого армейского корпуса Особой

армии генерала Гурко на Юго-Западном фронте. А через полгода его назначают Командующим войсками Петроградского гарнизона.

Так вышло, что назначение это было санкционировано ещё императором Николаем Вторым, а принял командование Лавр Георгиевич уже после Февральской революции, пятого марта.

И сразу – тяжёлое испытание. Первый же приказ Временного Правительства новому главе Петроградского гарнизона – арест императрицы и её семьи в Царском Селе.

Быстро разобравшийся в обстановке, Корнилов пошёл на это с тем, чтобы попытаться в дальнейшем облегчить участь арестованных.

Нужно было немедленно принять меры для ограждения царской семьи от самочинных действий новых расплодившихся органов власти, опьянённых свободой, которую они зачастую путали со вседозволенностью.

Генерал установил строгий порядок смены караулов, определил режим содержания во дворце, добился того, что караульная служба осуществлялась только под контролем штаба округа, а не местных самочинных комитетов и советов.

Переводя режим охраны в ведение штаба Петроградского военного округа, Корнилов по существу спасал царскую семью и от бессудных действий взбунтовавшегося местного гарнизона и от самодеятельности Петроградского Совета.

Надо заметить, что арестованная императрица после объявления ей об аресте высказала удовлетворение, что это было сделано славным генералом Корниловым, а не кем-либо из членов нового правительства.

Тем не менее после ареста императрицы за Корниловым закрепилась репутация революционного генерала.

Очень скоро Лавр Георгиевич стал ясно понимать, что части Петроградского гарнизона в большинстве своём небоеспособны. Не может быть в армии так, что солдаты исполняют или не исполняют приказы по своему желанию или по указанию всяких солдатских Советов или Комитетов. Корень зла Корнилов видел в разрушительном влиянии Петроградского Совета.

Он до последнего надеялся договориться с его представителями. Но не удалось. Как и найти общий язык с солдатами Петроградского гарнизона.

В итоге в конце апреля 1917 года Корнилов отказывается от должности главнокомандующего войсками Петроградского округа, и в связи с подготовкой летнего наступления на фронте его переводят на Юго-Западный фронт командующим Восьмой армией. Которая под его начальством добилась впечатляющих успехов в ходе июньского наступления.

Однако последовавший прорыв немцев на фронте Одиннадцатой армии, бежавшей несмотря на огромное своё превосходство в численности и технике, нивелировал первоначальные успехи русских армий.

После общей неудачи июньского наступления Русской армии и Тернопольского прорыва австро-германских войск генерал Корнилов, сумевший в сложнейшей ситуации удержать фронт, был произведён в генералы от инфантерии, а 7 июля назначен Керенским главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта.

Вечером того же дня он направил Временному правительству телеграмму с описанием положения на фронте и своими предложениями по исправлению положения (введение смертной казни и полевых судов на фронте). Генерал Брусилов противился этому назначению (но при этом 8 июля своей телеграммой подтвердил, что считает "безусловно необходимым немедленное проведение в жизнь мер, просимых генералом Корниловым"). Однако Керенский настоял на назначении. Положение фронта было катастрофическим.

А 19 июля Лавр Георгиевич Корнилов был назначен Верховным Главнокомандующим всей российской армии.

Но, не желая повторять ошибки своих предшественников, назначения сразу не принял, хотя и не отказался. Лавр Георгиевич выдвинул условия, при выполнении которых соглашался пост принять.

23 июля 1917 года.

Три дня ушло на обсуждение условий, на которых генерал Корнилов был готов согласиться принять должность Верховного Главнокомандующего. Условия вкратце были таковы: невмешательство правительства в назначения на высшие командные должности, скорейшая реализация программы реорганизации армии и назначение генерала Деникина командующим Юго-Западным фронтом.

После долгих переговоров сторонам удалось прийти к компромиссу, и Корнилов принял пост, делающий его вторым человеком в государстве, крупной политической фигурой, способной влиять на происходящие в стране события. Это назначение было встречено большой радостью в среде офицеров и консервативной публики. Появился лидер, в котором видели надежду на спасение армии и России.

Через несколько дней для восстановления дисциплины в армии, по требованию генерала Корнилова, Временное правительство вводит смертную казнь.

Керенский настаивал на назначении Корнилова, потому, что положение на фронте ухудшалось с каждым днём. Он знал о чудесах, которые Лавр Георгиевич совершал на фронте и надеялся, что тот сумеет совершить очередное.

Надежды были тщетны. Корнилов был прекрасным военачальником, но не волшебником.

От армии на самом деле уже осталось намного меньше половины. Остальные части, разложенные антивоенной пропагандой большевиков, воевать были не способны. Даже официальное введение смертной казни на фронте не могло ничего изменить.

Но главной ошибкой Керенского было то, что он не учёл, что Корнилов всегда прекрасно умел разрешать проблемы именно путём нахождения их главных причин и устранения таковых.

А ведь главной причиной поражений и небоеспособности армии была, собственно, отмена требования воинской дисциплины путём введения в войсках всяких советов, комитетов, митингов и так далее.

Но ведь это было следствием именно политики Временного Правительства. То есть оно само и являлось главной причиной поражений, как какому выводу и должен был в конце концов прийти Корнилов.

В общем, Керенский выпустил джинна из бутылки, не подумав – а как его в случае необходимости загнать обратно.

24 июля 1917 года.

Как мы уже знаем, Лев Троцкий яростно отстаивал лживость обвинений в адрес Ленина и видных большевиков в шпионаже в пользу Германии. "Если Ленин – немецкий шпион, то и я – немецкий шпион!" – громогласно заявлял Лев Давидович.

В конце концов Временное Правительство, по-видимому, ему поверило, и в ночь на 23 июля Троцкий был арестован одновременно с другим видным межрайонцем Анатолием Луначарским.

24-го числа Льву Давидовичу следователем Александровым было предъявлено ставшее уже стандартным обвинение в шпионаже в пользу Германии.

Как мы помним, до этого в том же обвинили Ленина и других большевистских лидеров.

Следователь предъявил Троцкому в качестве основания для обвинения показания некоего прапорщика Ермоленко. Оказывается, этот господин в апреле 1917-го года заявился в Ставку генерала Алексеева и объявил, что он является завербованным немецким агентом, но, как русский патриот, намеренно сдался российским войскам, чтобы разоблачить настоящих агентов германского Генштаба.

В своих показаниях Ермоленко писал примерно следующее:

Он был завербован немцами, и ему было дано задание вести на Украине сепаратистскую пропаганду. Для этого Ермоленко должен связаться с ведущими украинскими сепаратистами, а также другими немецкими агентами. Для чего прапорщиком было получено 1500 российских рублей он немецкого Генштаба.

Прапорщику якобы были даны все необходимые сведения относительно путей и средств, при помощи которых надлежит поддерживать связь с руководящими немецкими деятелями, относительно банков, через которые были переведены необходимые фонды и относительно имён наиболее значительных агентов, среди которых находились многие украинские сепаратисты – и Ленин.

Ну и далее – подобная же ахиня. На основании этих показаний строились обвинения против Ленина и его соратников.

Обвинение же против собственно Троцкого было выдвинуто на основании как бы доказанного обвинения в шпионаже против Ленина и базировалось на следующих моментах:

- 1) Троцкий приехал вместе с Лениным из Германии.
- 2) Троцкий состоял членом ЦК партии большевиков.
- 3) Троцкий состоял одним из руководителей военной организации при ЦК большевиков.

Впрочем, перед тем, как предъявить обвинения, следователь Александров заполнил необходимые опросные бумаги, задавая Троцкому вопросы и старательно записывая ответы.

Троцкий описал себя следователю Временного правительства, как лицо "внеисповедного состояния", при старом режиме лишённое гражданских и воинских прав. Единственным источником средств к существованию Троцкий назвал журналистскую деятельность.

Далее последовало предъявление "обвинений". Кроме шпионажа Льву Давидовичу инкриминировалось участие вкупе с Лениным и большевиками в инициировании недавних июльских "беспорядков".

По мере прочтения этих, с позволения сказать, документов у Льва Давидовича сначала удивлённо поползли вверх брови. Потом на лице появилась улыбка, постепенно перешедшая в сдержанный смех. Смех сменился хохотом, быстро ставшим безудержным. Под конец прочтения Троцкий не выдержал, снял очки и стал вытирать слезящиеся от смеха глаза носовым платком.

– Благодарю вас, господин Александров, давненько я так не веселился. Теперь мы, по крайней мере, знаем, как немецкий генеральный штаб вербовал себе шпионов.

Когда он находил безвестного и малограмотного прапорщика в качестве кандидата в шпионы, то вместо того, чтоб поручить его наблюдению поручика из немецкой разведки, связывал этого прапорщика с руководящими немецкими деятелями, тут же сообщая ему всю систему агентуры и перечисляя даже банки – не один банк, нет, а все банки, через которые идут тайные немецкие фонды.

Воля ваша, но ничего глупее и выдумать нельзя!

Кстати, а удалось выяснить – что это за таинственные "руководящие немецкие деятели"? Людендорф? Гинденбург? Кронпринц? Может быть, сам кайзер – чего уж тут мелочиться?

А что это за полторы тысячи изрядно, надо заметить, обесцененных нынче рублей на поддержку украинского сепаратизма? По-моему, такой суммы могло хватить только на выпивку прапорщику Ермоленко ... куда, похоже эта "огромная" сумма и была потрачена.

Если вы основываете ваши обвинения в шпионаже Ленина и большевиков только на этих показаниях – ещё раз благодарю вас. Вы только что снова дали мне возможность убедиться в полнейшей лживости упомянутых обвинений.

Но и того мало. Что касается вашего покорного слуги. По пунктам:

- 1) Я приехал на месяц позже Ленина – и не через Германию, а из Америки через Скандинавию.
- 2) Я никогда не входил в ЦК большевиков.
- 3) Я не имел никакого отношения к его военной организации.

У вас есть ко мне ещё вопросы или сказанного довольно?

Следователь Александров, давно уже с оттенком неодобрения наблюдавший за не в меру развеселившимся революционером, тут же принял серьёзный деловой вид и, откашлявшись, заговорил:

– Официальный порядок требует, чтобы вы, ознакомившись с обвинениями, затем ответили, что вы считаете по поводу каждого из них.

– Извольте.

Троцкий полностью отрицал как организованный характер июльских событий, так и "германский след" – и в этих событиях, и вообще в деятельности большевиков. Лев Давидович назвал Ленина, Зиновьева, Каменева и Коллонтай "бескорыстными революционерами", "неспособными совершать преступления в интересах германского деспотизма". Обвинения в свой адрес он, разумеется, также отверг, как беспочвенные и недоказанные.

На том первый допрос и закончился.

Тем не менее Троцкому предстояло провести в заключении больше месяца.

26 июля – 3 августа 1917 года

В эти дни в Петрограде проходил Шестой съезд партии большевиков. Кроме них, на съезде присутствовала группа Троцкого – межрайонцы. Съезд был вполне легальным, после июльских событий, за которыми последовали аресты видных большевиков и переход на нелегальное положение Ленина и Зиновьева, саму партию всё же не запретили.

На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим и 110 делегатов с совещательным голосом, представляющих 240 тысяч членов партии. Таким образом, между Апрельской конференцией и Шестым Съездом (то есть, за три месяца) численно партия выросла втрое. Свердлов и его Оргбюро работали весьма эффективно.

Президиум был избран из пяти человек, в том числе Свердлова и Сталина. Почетными председателями избрали Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Луначарского и Александру Коллонтай.

Для того, чтобы стать председателем съезда, оказывается, неистойой Александре надо было всего лишь попасть под арест на время съезда. До этого в председатели её не избирали никогда.

Вообще, следует отметить любопытный факт. В Президиум, как сказано выше, избрали пятерых. А почётными председателями – даже на одного больше. Четверых, находящихся

ся за решёткой плюс двоих на нелегальном положении и скрывающихся.

Факт ареста Троцкого за три дня до начала съезда спутал регламент ещё в одном. Формально ещё не являющийся большевиком – его должны были официально принять только на съезде, после чего сразу же предполагалось избрать в ЦК – Лев Давидович, тем не менее, согласно составленной заранее повестке, должен был делать один из основных докладов "По текущему моменту".

Теперь для этого пришлось задействовать других докладчиков.

Но вернёмся к началу съезда. Как-то сразу возник и занял важное место вопрос о явке или неявке Ленина на суд, хотя формально он даже не был включен в повестку дня.

В большевистских учебниках по истории революции из одной книги в другую кочует легенда, совершенно искажающая весь характер обсуждения данного вопроса на съезде. Постарались сталинские историки, у которых было достаточно времени и возможностей, чтобы тщательно откорректировать все источники.

Умалчивается сам факт, что Ленин был вообще против даже обсуждения этого вопроса на съезде.

Ленин и Зиновьев обратились к съезду с письмом, в котором сообщали, что уклонились от ареста потому, что дело против них создано "контрреволюцией" и что только "Учредительное собрание будет правомочно сказать свое слово по

поводу приказа Временного правительства о нашем аресте". В общем – на суд не пойдём, и обсуждать тут нечего.

Но это противоречило точке зрения Сталина. Он-то как раз считал явку Ленина на суд очень даже желательной. Во-первых, блестящий мастер слова с такой трибуны, как трибуна суда, сможет очень эффективно воздействовать на общественное мнение, после июльских событий весьма негативное по отношению к большевикам.

Во-вторых, суд всё же вряд ли оправдает вождя. А значит, он, Сталин в отсутствии Ленина, Зиновьева и Каменева останется лидером партии (ордер на арест Зиновьева был тоже уже выписан, и он, скорее всего, должен был бы явиться на суд вместе с Лениным).

А если, как опасаются многие в ЦК, Ленина при этом убьют якобы при попытке к бегству или он как бы самостоятельно повесится в камере, так ещё и лучше.

Во-первых, партия сразу получит дополнительные очки – их всегда добавляет ореол революционного мученика вокруг головы вождя. Во-вторых, он, Сталин, сразу сможет позиционировать себя как верного ученика и ближайшего сподвижника, то бишь приобретёт дополнительный вес в массе рядовых большевиков, не очень-то разбирающихся в нюансах. Ну и в-третьих прекратится эта заочная борьба с Лениным за право прокладывать партийный курс, указывая, куда большевикам следовать далее. В общем, в борьбе его, Сталина, за власть в партии такой исход был бы самым желательным.

Поэтому после оглашения с трибуны письма Ленина и Зиновьева он сразу поднялся на трибуну.

– В самый сложный для партии момент, когда правительство прилагает все усилия для нашей дискредитации, мы не можем пренебрегать возможностью обратиться ко всей прогрессивной общественности с такой трибуны, как трибуна суда.

Если суд будет демократически организован, и будет дана гарантия, что их не растерзают. Если во главе будет стоять власть, которая будет иметь хоть некоторую честь, они явятся, – прозвучало с трибуны съезда.

Но многим такая постановка вопроса не понравилась. Тем более, что мнение Ленина было достаточно известно. В честность правительства не верили. О чём и говорили с трибуны один за другим.

– Один пункт резолюции товарища Сталина неприемлем: честный буржуазный суд, – заявил с трибуны межрайонец Володарский.

Тем не менее, он всё же посчитал возможной явку Ленина при соблюдении некоторых дополнительных условий. В общем, предложил резолюцию, где постулировал следующие требования обеспечения справедливого судопроизводства для рассматриваемого случая:

- 1) Гарантия личной безопасности.
- 2) Гласное ведение следствия.
- 3) Участие в следствии представителей Советов.

4) Суд присяжных.

Как мы видим, требования Володарского были сформулированы более чётко, чем у Сталина. Совпадала только гарантия личной безопасности Ленина и Зиновьева – вещь очевидная.

Но вместо расплывчатых сталинских формулировок – "если суд будет демократически организован", "власть, которая будет иметь хоть некоторую честь" – требования Володарского должны были обеспечить полную гласность, участие представителей Советов, куда несомненно вошли бы и большевики и невозможность полицейского произвола – а именно суд присяжных.

Сталин подумал. В общем, тоже приемлемо. Всё это не гарантирует неприкосновенности Ленина при конвоировании или пребывании в заключении. Кроме того, общественное мнение нынче таково, что суд присяжных вполне может вынести обвинительный приговор. Ленин, возможно, останется жив, но будет надолго изолирован от руководства партией. Не так плохо для Сталина.

На трибуне появился новый оратор. Он чем-то напоминал Ленина. Бородка, усы, начинает лысеть. Но выглядел человек значительно моложе. Что не мешало ему держаться перед аудиторией весьма спокойно и уверенно. Отпив воды из стакана, он улыбнулся присутствующим и начал:

– В вопросе о выдаче и невыдаче товарищей Ленина и Зиновьева мы не можем встать на почву схоластики. Что зна-

чит "честный буржуазный суд"? Разве честный буржуазный суд не будет стремиться отсечь нам голову?

В зале прокатился смешок. Оратор сразу завоевал симпатии слушателей.

Он произнёс ещё несколько выглядевших как-то очень спокойно и логично фраз и закончил:

– Как видим, нет абсолютно никаких гарантий не только беспристрастного судопроизводства, но и элементарной безопасности привлекаемых к суду. Благодарю за внимание, – и спустился с трибуны, провожаемый аплодисментами.

Сталин внимательно смотрел вслед возвращающемуся на своё место выступившему. Николай Бухарин. Восходящая звезда партии. Двадцать восемь лет, из них десять – большевик. Теоретик марксизма, а как выяснилось теперь – и неплохой оратор. Будет делать вместе с ним, Сталиным и Милютиным доклад "По текущему моменту" вместо арестованного Троцкого.

Да, наверное, ещё один соперник. Вряд ли остановится в своей партийной карьере на скромной роли делегата съезда.

Теперь, похоже, все старания по явке Ленина на суд на-смарку. Да, ещё предстоит выступление Орджоникидзе, где будет изложено, собственно, сталинское видение ситуации – насчёт трибуны суда, с которой Ленина услышала бы вся страна. Но большинство на съезде, похоже, за точку зрения Бухарина.

Он не ошибался. Забегая вперёд, скажем, что после голо-

сования из нескольких предложенных вариантов резолюции по явке Ленина и Зиновьева на суд была большинством голосов был одобрен именно предложенный Бухариным. Съезд проголосовал против явки. Ленин оставался на нелегальном положении.

На этом неприятности не закончились. Политический отчет ЦК по ходу событий с апреля по июль делал Сталин. Он, собственно, повторил известные тезисы партии об июньских событиях и июльском восстании.

После чего часть делегатов обвинила руководство партии, что ЦК лишь командовал, не запрашивая волю партии.

Раздражённый Сталин ответил в заключительном слове:

– Требовать от ЦК, чтобы он не предпринимал никаких шагов, предварительно не опросив провинции, значит требовать, чтобы ЦК шел не впереди, а позади событий и только констатировал в своих резолюциях уже совершившиеся факты. Но это был бы не ЦК.

Сталин продолжил заочную борьбу с Лениным. В докладе о политическом положении он возражал вождю по трем важнейшим вопросам.

1) По вопросу о явке на суд, о котором мы уже говорили.

2) По вопросу о природе власти, которая установилась после июльского восстания. Ленин говорил о полной победе контрреволюции, а Сталин заявил: "В данный момент всё еще не ясно, в чьих руках власть".

3) По вопросу об анализе движущих сил Февральской ре-

волюции. По Ленину, Февральскую революцию совершили два класса: пролетариат и крестьянство.

Сталин говорил о "коалиции" четырех сил: рабочего класса, крестьянства, либеральной буржуазии и иностранного капитала.

Хотя либеральная буржуазия непосредственно в уличных столкновениях замечена не была, а кому и как помогал иностранный капитал, из слов Сталина осталось неясным – но уж очень ему хотелось утереть нос Ленину хотя бы в каком-нибудь теоретическом вопросе.

Впрочем, были и приятные для Сталина моменты.

По вопросу о лозунге "Вся власть Советам", который Ленин требовал безоговорочно снять, съезд всё же принял эластичную формулу, которая была скорее за Советы. Владимир Ильич ещё до съезда писал, что Церетели и Чернов превратили Советы в "фиговый листок контрреволюции". Мнение вождя было изложено так:

"Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партий эсеров и меньшевиков. В данные минуты эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат."

Отсюда требование Ленина снять лозунг "Вся власть Советам".

Съезд, конечно, не выдвигает снова этого лозунга, но и не снимает его. Он молчаливо допускает пригодность того даже сейчас, но без взятия власти мирным путем. Соответ-

ствующий пункт резолюции Съезда гласит:

"Советы переживают мучительную агонию. Лозунг передачи власти Советам был лозунгом мирного развития революции, безболезненного перехода власти. В настоящее время мирное развитие и безболезненный переход власти к Советам стали невозможны. Правильным лозунгом в настоящее время может быть лишь полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии"

Такая постановка вопроса допускала, что Советы могут оказаться теперь (не так, как раньше) органами немирного и "болезненного" перехода власти. Поэтому надо их беречь даже такими, какими рисует Ленин. Та же резолюция целит как раз в эту точку, когда ставит задачей партии: "Отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

Хотя бы здесь Сталину удалось не проиграть отсутствующему вождю.

На съезде, как и ожидалось, уже официально в большевистскую партию вошел Троцкий со своей группой межрайонцев. Соответственно вместе с Троцким в партию вошли Луначарский, Володарский, Мануильский и другие.

Несмотря на то, что по большинству вопросов Сталин на Съезде проиграл, в том числе и отсутствующему Ленину, всё же можно было сказать, что роль вождя на съезде играл именно он. Конечно, внешне это стало возможным из-за от-

сутствия Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого. Но тем не менее.

Съезд избрал новый состав ЦК. В него вошли двадцать один человек. Больше всего голосов набрали отсутствующие Ленин, Зиновьев и свежеиспечённый большевик Лев Троцкий. Сталин оказался лишь не четвёртом месте. Затем шли Каменев и Свердлов.

В ЦК попали среди прочих Бухарин, Урицкий, и, конечно, неудержимая Александра Коллонтай. Все эти трое – впервые.

Начало августа 1917 года.

Пребывание Ленина в Разливе становилось всё опаснее. Временное Правительство продолжало его разыскивать. Сразу после отъезда Владимир Ильич поселился на квартире рабочего Емельянова, в Сестрорецком районе, станция Разлив. Но очень скоро пришлось перебраться в лес – нового квартиранта могли случайно заметить соседи. Бережёного бог бережёт.

Ночевать Ленину приходилось в стогу, укрываясь зимним пальто – ночи в этих местах всё же были сырые и холодные – а питаться тем, что доставляли детишки Емельянова.

Но и в лесу становилось небезопасно – на убежище Ленина могли наткнуться случайные охотники или грибники, а близость к Петрограду означала, что при получении любой информации о подозрительном человеке, живущем в лесу, агенты Керенского могли найти этого подозрительного человека очень быстро.

Было принято решение перевезти Ленина в Финляндию. Великое Княжество Финляндское ещё при царе пользовалось немалой автономией и привилегиями, которые, правда, были отменены после революции 1905-го года. Но Февральская Революция привилегии восстановила. Финляндский Сейм 18 июля принял закон о восстановлении автономных прав Финляндии. Правда, закон был отклонён Времен-

ным Правительством, Сейм распущен, а здание Сейма заняли российские войска.

Но тем не менее финны не очень-то были склонны следовать распоряжениям российского правительства, и его агенты чувствовали себя на территории Финляндии куда менее свободно. Так что Ленин мог чувствовать себя там спокойнее. Да и комфортнее в смысле бытовых условий.

Принялись искать самый безопасный способ переезда Ленина.

В конце концов было решено перейти финляндскую границу под видом сестрорецких рабочих. Дело в том, что многие из них жили на финляндской территории и для перехода через границу пользовались упрощенными паспортами. Емельянову было поручено достать такие паспорта у своих товарищей по заводу. Паспорта были получены, оставалось только поменять на них фотографии. Неожиданное затруднение встретилось при розысках парика для Владимира Ильича. Охранка Керенского, озабоченная поимкой Ленина, запретила парикмахерским всякий прокат и продажу париков без предъявления удостоверения личности.

Александр Шотман, которому ЦК поручил организацию и руководство переправкой вождя, заручился удостоверением театрального кружка финляндских железнодорожников на Выборгской стороне и таким образом беспрепятственно получил два парика в парикмахерской на Бассейной улице.

Ленин без усов и знаменитой бородки, в парике и одежде

рабочего был почти неузнаваем. В таком виде его и сфотографировали на новые документы.

Владимир Ильич стал рабочим Константином Петровичем Ивановым.

Прежде, чем переправлять Ленина через границу, Шотман должен был проверить – насколько тщательно там просматриваются документы. С этой целью ему и его помощнику Эйно Рахья пришлось раздобыть для себя через Генеральный штаб разрешения на право свободного перехода через финляндскую границу туда и обратно. Как гражданам Великого Княжества Финляндского, эти разрешения были выданы им без особых затруднений.

Перейдя пешком в нескольких местах от Белоострова на юг до Сестрорецка границу они убедились, что этот способ ненадежен. При каждом переходе пограничники чуть ли не с лупой просматривали документы и чрезвычайно внимательно сличали лица с фотографиями.

Тогда был выработан план, по которому Владимир Ильич поедет в Финляндию на паровозе в качестве кочегара.

Было решено перебраться сначала из болота на квартиру ещё одного большевика-финна Кальске, там переночевать и вечером пойти на станцию Удельная, где Ленин сядет на паровоз. Шотман с Рахья в том же поезде должны были сопровождать его на финляндскую территорию до станции Териоки, где в нескольких верстах была приготовлена надежная квартира.

Машинист Ялава, согласившийся взять к себе на паровоз Ленина, был хорошо знаком Шотману еще с детства. Когда ему сообщили какому риску он подвергается, он с истинно финским хладнокровием только улыбнулся и уверил, что "всё пройдет очень хорошо".

Когда переправа была подготовлена, Шотман с Рахья поехали в Сестрорецк, чтобы в тот же день вывести Ильича из болота. Емельянов с сыном были уже у стога и укладывали в лодку накопившиеся за три недели пребывания в стогу газеты, пальто, одеяла и прочее.

Им предстояло в этот день пройти пешком до станции Левашово, а оттуда поездом по Финляндской железной дороге в сторону Петрограда доехать до станции Удельная. От Удельной до временной квартиры было около всего около километра. И именно в Удельной позже Ленин должен был подсесть на паровоз.

Но вот наконец вещи были уложены, мальчик сел в лодку и поехал домой, а четверо путешественников пошли вдоль залива сквозь кустарник по направлению к Финляндской железной дороге. Идти нужно было верст 10 – 12. Было около половины десятого, уже смеркалось.

Шли гуськом, молча. Емельянов, как знающий дорогу – впереди. В одном месте из-за темноты сбились с дороги. Наткнулись на речку, которую перешли вброд, для чего пришлось раздеться. Разыскивая дорогу, попали на болото, обходя которое незаметно очутились среди торфяного пожари-

ща. После долгих поисков, окруженные тлеющим кустарником и едким дымом, рискуя ежеминутно провалиться в горящий под ногами торф, набрали на тропинку, которая и вывела из пожарища. Почувствовали, что окончательно заблудились. В полной темноте, ощупью, руководимые Емельяновым, который утешал спутников тем, что заблудился в первый раз, незадачливые путешественники двигались вперед.

Наконец где-то прогудел паровозный гудок. Емельянов и Рахья отправились на разведку. Ленин и Шотман тут же уселись под деревом ждать их возвращения. Нашлось три свежих огурца, но хлеба и соли захватить не догадались. Съели так. Минут через 10 – 15 вернулись разведчики с сообщением, что они близ станции, кажется, Левашово.

Надо отдать должное Владимиру Ильичу, ругал он проводников пресвирепо. Нужно-де было приобрести карту-трехверстку; почему предварительно не изучили дорогу и так далее. Разведчикам тоже досталось: почему "кажется", а не точно узнали, какая станция. Не любил вождь большевиков непрофессиональной работы.

Всячески оправдываясь, страдалцы с Лениным двинулись по направлению к станции. Станция оказалась, конечно, не Левашово, а Дибуны, всего в семи верстах от финляндской границы. Положение не из приятных. В лесу они могли теперь каждую минуту нарваться на патруль пограничников и быть арестованными как подозрительные лица. В самом деле, не будут же порядочные люди шляться в час

ночи в стороне от жилых мест около границы! У железнодорожного сторожа они узнали, что последний поезд в Питер пойдет в пол-второго ночи. Оставалось ждать минут 15.

В ожидании поезда компания уселась в конце перрона. Рахья был послан на станцию – проверить на всякий случай, нет ли чего подозрительного. Вернувшись, он с озабоченным лицом сообщил, что там стоит патруль из 10 вооруженных юнкеров. Дело плохо. Могут подойти, поинтересоваться.

На всякий случай Ленин и Рахья ушли под откос, в темноту, а Шотман с Емельяновым остались сидеть. Вскоре к ним подошел вооружённый юнкер и обратился с вопросом к Емельянову – что он тут делает. Дело в том, что Шотман был одет попримечнее и подозрений, видимо, не возбудил. У него юнкер очень вежливо осведомился – не местный ли он дачник и не ждёт ли поезда на Петроград. Шотман тоже очень вежливо на оба вопроса ответил утвердительно.

А вот Емельянов к вопросу, по-видимому, не был подготовлен и начал лепетать что-то невразумительное. Юнкера такой ответ не удовлетворил, и он предложил рабочему следовать за ним. Затем молодцевато звякнул шпорами, повернулся и повел с собой арестованного.

Тут подошёл поезд. Растерянный Шотман решил остаться, чтобы на завтра, проведя остаток ночи и дня в лесу, всё же увезти Ленина в Удельную. Но как только он успел прийти к этому решению, как снова появился человек с винтовкой. На сей раз ученик реального училища. Он вежливо, но

настойчиво доложил: "Это последний поезд, сегодня больше не будет. Вы едете?"

Шотману ничего не оставалось, как подняться на площадку вагона.

На этом злоключения не закончились. Шотман был до того сбит с панталыку, что выскочил из поезда не на Удельной, а на станции Озерки, не доезжая 6 километров. Заметил он свою ошибку когда поезд уже ушел. Так что до квартиры Кальске он добрался пешком – только около трёх часов утра.

Войдя в комнату, Шотман не поверил своим глазам. Перед ним предстали весело хохочущий Ленин и вежливо улыбающийся Рахья.

Оказывается, они, сидя под откосом, видели, как арестовали Емельянова и как реалист чуть ли не штыком подсаживал Шотмана в вагон. А Ленин и Рахья в это время быстро вскарабкались по откосу, сели в вагон, остановившийся как раз напротив них и спокойно доехали до Удельной.

Дальнейший процесс переправки Ленина в Финляндию прошёл с гораздо меньшими приключениями.

Владимир Ильич, Шотман и Рахья подгадали время так, чтобы появиться на перроне перед самым появлением поезда. Когда паровоз, останавливаясь, поравнялся с ними, Ильич, без бороды, усов и в парике очень похожий на настоящего финна, быстро влез на положенное по роли рабочее место и, засучив рукава, принялся трудолюбиво швырять в топку полено за поленом. Шотман с Рахья чинно сели в свой

вагон.

На пограничной станции Белоостров предстояла двадцатиминутная стоянка для проверки документов. Могли и обыскать.

Но как только поезд остановился, находчивый машинист Ялава отцепил паровоз и отогнал его куда-то за станцию якобы набрать воды. К окончанию пограничного досмотра паровоз был подан обратно, и минут через пятнадцать путешественники оказались на финляндской территории.

Ну а там уже с квартиры на квартиру Ленина спокойно за несколько дней переправили в Гельсингфорс.

Кстати, тут имел место ещё один любопытный факт.

Дело в том, что после Февральской революции финским социал-демократам удалось провести своих людей на ответственные должности в городском управлении Гельсингфорса. В том числе заменить полицмейстера своим человеком, переименовав его в начальника милиции. Звали этого своего человека Густав Ровио, и был он до занятия столь высокой должности простым рабочим, кстати, другом Шотмана. На его квартире и должен был поселиться Ленин.

Когда Шотман представил Ровио – "Познакомьтесь, Владимир Ильич, это Густав Ровио, местный полицмейстер, у него на квартире вы будете жить" – Ленин без малейшего смущения или удивления пожал тому руку, перекинулся несколькими словами – и накинулся на очень прилично подобранную хозяйскую библиотеку, почти целиком состоя-

щую из марксистских книг, причём на русском языке.